

Хотя юноши по разным причинам недолюбливали князя Жуннаня, им приходилось признать: он был невероятно хорош собой. Словно сошедший с картины небожитель — его красоту трудно было описать словами. Е Мянью вдруг ощутил досаду и глухое раздражение: с таким человеком невозможно подружиться, какая жалость!

Шестой принц, несмотря на свой высокий статус, вел себя как гостеприимный хозяин усадьбы и держался весьма дружелюбно. Будучи старше их, он расспросил юношей об успехах в учебе, и те почтительно ответили на все вопросы. Узнав, что они учатся в одном дворе, Шестой принц всплеснул руками и улыбнулся:

— Князь Жуннань тоже учится в классе Ци Императорской академии Гоцзысюэ, вы наверняка об этом слышали. — Он повернулся к Чжуан Сюю: — Чжэнлань, ты встречался с ними?

Чжуан Сюй сдержанно кивнул и, уставившись прямо на Е Мянью, холодно спросил:

— Кто позволил тебе прийти сюда?

Вопрос прозвучал до крайности нелюбезно. Е Мянью только-только успел подумать, что вежливое имя Чжуан Сюя — Чжэнлань, как тот внезапно обрушился на него с нападками. Стоявший рядом Жуань Юньшэн поспешно прикрыл их руки широким рукавом и легонько сжал ладонь Е Мянью, пытаясь его успокоить. Е Мянью долго подавлял подступивший к горлу гнев, мысленно осыпая наглеца проклятиями, и лишь затем нехотя поклонился и ответил:

— Ваше высочество, никто не велел мне приходить. Я лишь случайно оказался здесь вместе с соучениками.

Стоило Жуань Юньшэну с облегчением убрать руку, как Е Мянью едва слышно пробурчал под нос:

— Тоже мне хозяин нашелся, сует нос не в свое дело.

В Павильоне Яоси стояла такая тишина, что было слышно, как падает иголка. Князь Жуннань, разумеется, прекрасно расслышал дерзкое бормотание Е Мянью.

Жуань Юньшэн резко вскинул голову и увидел, что лицо Чжуан Сюя ожесточилось, а холодное равнодушие в его глазах сменилось яростью. Сердца юношей испуганно сжались, воздух в Павильоне Яоси мгновенно застыл. Вэй Аньюань, прищурившись, сделал шаг вперед и ответил ему столь же ледяным взглядом.

Раздался негромкий стук.

В тот самый миг, когда всем показалось, что они вот-вот задохнутся от напряжения, из рук Шестого принца вдруг выпала чарка из тончайшего теплого нефрита. Она покатилась по алому ковру, оставляя за собой влажный след.

— Выскользнула, — слегка откашлявшись, произнес Шестой принц и бросил взгляд на слуг. Молодой евнух торопливо приказал служанкам прибраться.

Когда слуги закончили уборку, князь Жуннань уже вернул себе прежний небрежный вид. Леденящая ярость улетучилась, сменившись привычной ленивой холодностью. Юноши только вздохнули с облегчением, как вдруг Чжуан Сюй небрежно бросил:

— Что ж, действительно совпадение. Сегодня утром шестой брат подарил это поместье мне.

Е Мянью:

— ...

Шестой принц:

— ...

От обиды Е Мянью буквально выворачивало наизнанку. Едва покинув Павильон Яоси, он вознамерился собрать вещи и ускакать домой — он не собирался больше оставаться в этом треклятом месте и терпеть издевательства! Ли Чжао и Жуань Юньшэн всю дорогу уговаривали его и в конце концов удержали. Статус князя был слишком высок: какую бы обиду ни затаил Е Мянью, ему все равно придется пойти на званый ужин, куда его пригласил Шестой принц.

В Павильоне Яоси Шестой принц удивленно поднял бровь и посмотрел на Чжуан Сюя:

— И что это было? Неужели сын какого-то чиновника третьего ранга достоин твоего гнева? Позавчера, когда пятый брат повздорил с тобой и велел забить палками до смерти целую комнату слуг, ты и глазом не моргнул.

Чжуан Сюй сделал вид, что не слышит его, и продолжил молча пить чай.

Шестой принц не обиделся и вздохнул:

— Впрочем, хотя вы и учитесь в одном месте, где правила приличия можно немного опустить, этот мальчишка всё же чересчур дерзок. Неужели он не боится, что ты накажешь его за непочтительность? Молод еще, слишком безрассуден.

— Какое там безрассудство, — хмыкнул Чжуан Сюй. — Он хитер как лис. Просто прекрасно знает, что я его не трону.

— О? — Шестой принц с любопытством отставил чашку. — И почему же?

Чжуан Сюй слегка прикрыл глаза, скрывая длинные ресницы, и равнодушно произнес:

— Если я накажу его, во что это выльется? Все тут же решат, будто я завидую таланту и красоте господина Дуаньхуа, а потому пользуюсь своим титулом князя, чтобы притеснять его младшего брата.

Шестой принц тихо рассмеялся и покачал головой:

— Ну и ну, ладно тебе.

Чжуан Сюй добавил:

— В Столице любят чесать языками, неизвестно еще, какие слухи поползут.

Шестой принц и смеялся и сокрушался:

— И с чего бы им поползти?

Чжуан Сюй взглянул на него и спросил в ответ:

— А сам как думаешь?

Шестой принц, словно о чем-то вспомнив, покачал головой и промолчал.

Чжуан Сюй глубоко вздохнул, выглядя совершенно изнуренным. Подперев голову рукой, он закрыл глаза и устало произнес:

— Я устал. Найди мне смысленных слуг. И проследи, чтобы до начала ужина эти крикуны снаружи меня не беспокоили.

От этих слов Шестой принц окончательно разозлился:

— Я с таким трудом выбрался из дворца, по-твоему, только ради собственного развлечения?

Чжуан Сюй даже век не приподнял, лишь лениво протянул:

— Через пару дней я пришлю к тебе человека переоформить бумаги. Это поместье теперь мое.

Шестой принц осекся. Сердце его облилось кровью, и он в сердцах выругался:

— Чжуан Чжэнлань, ты что, разбойник с большой дороги?

Чжуан Сюй открыл глаза, его губы изогнулись в полумесяце улыбки:

— Разве шестой брат не обещал на днях подарить мне усадьбу с землей? Вот и не пытайся отделаться от меня какими-нибудь заброшенными пустошами в глуши. Мне здесь очень нравится, так что договорились.

— Ах ты!..

Поместье Таоси когда-то выпросила у императора наложница Ци в пору своего наивысшего расцвета, а Шестому принцу оно досталось лишь в прошлый день рождения.

— И еще насчет того дела, о котором ты просил меня пару дней назад: я согласен. Но я лишь передам слова моему дяде. Выгорит дело или нет — это уже ваши заботы.

Услышав это, Шестой принц мгновенно повеселел. Хлопнув веером по ладони, он рассмеялся:

— Чжэнлань, если тебе приглянется что-то еще, сразу говори шестому брату. Мы ведь близкие родственники, к чему эти церемонии, они только отдаляют нас друг от друга.

Вернувшись в свои покои, Е Мянью долго дулся в одиночестве. Выбрался, называется, за город развеяться! Сначала по пути встретился этот ябеда Цзян Бэйцин, что само по себе подпортило настроение, а теперь еще и эта «великая святыня» дожидалась его здесь.

Но как бы Е Мянью ни злился, отказаться от приглашения Шестого принца на ужин и просто уехать он не смел. В этом мире всё решало происхождение. Чиновник рангом выше мог раздавить тебя как букашку, что уж говорить о членах императорской семьи.

К началу ужина опустилась густая прохладная роса, поэтому юноши переоделись в одежду потеплее.

По дороге Жуань Юньшэн, все еще беспокоясь, наставлял Е Мянью:

— Это тебе не академия, здесь нужно соблюдать приличия. Не перечь ему. Если тебе что-то не нравится, лучше просто промолчи, иначе за твои слова зацепятся, и тогда нам несдобровать.

— Да знаю я, — скривился Е Мянью. — Я же не дурак. К тому же я уже почти остыл.

И это было правдой. Пусть Е Мянью и не отличался великим великодушием, но мелочным или злопамятным он тоже не был. Если дело не касалось чего-то принципиального, он не копил обиды — позлится немного и забудет.

Чувствуя вину, Жуань Юньшэн похлопал его по плечу:

— Извини, это я недоглядел, не разузнал всё заранее. Считаю, я твой должник.

Друзья, конечно, поддержали его, а Е Мянью фыркнул:

— В следующий раз уедем куда-нибудь подальше. Не верю я, что этот злой дух будет преследовать нас повсюду.

Компания в хорошем расположении духа отправилась на ужин. Там Е Мянью сразу же перехватил Цзян Бэйцинью, чтобы представить гостям. Сыновьям высокопоставленных чиновников было лет по тринадцать-четырнадцать — возраст, когда родители только начинают выпускать их из внутренних покоев в свет для заведения связей. Узнав, что Цзян Бэйцинью привел младшего брата самого господина Дуаньхуа, молодые люди, разумеется, проявили к нему живейший интерес.

Е Цзин, безусловно, славился своим превосходством, но Е Мянью, будучи его родным братом, ни в чем ему не уступал. Собравшиеся увидели изящного юношу с тонкими чертами лица, прекрасного, словно искусный рисунок, и наделенного благородным очарованием. Хотя на его лице еще читалась детская наивность, было очевидно, каким блистательным красавцем он станет, когда вырастет. Молодые господа наперебой выражали желание свести с ним знакомство и быстро поняли, что Е Мянью держится непринужденно и открыто, а его живой характер располагает к себе. Он совсем не походил на тех неотесанных глупцов, которые при виде знатных особ лишались дара речи и начинали заикаться.

Такой нрав пришелся гостям по душе, и несколько сыновей знатных господ тут же пригласили его к себе, желая подружиться.

Общительный Е Мянью с удовольствием болтал обо всем на свете с новыми знакомыми еще до начала застолья, находя это весьма забавным. Однако стоило ужину начаться, как он совершенно растерялся.

Все близкие Е Мянью знали, что он на дух не переносит баранину. Стоило ему съесть хоть кусочек, как его тут же выворачивало наизнанку всем, что он съел накануне.

Но сегодняшний ужин оказался настоящим пиром из баранины. Блюда сменяли друг друга чередой: «Падение в родник» (салат из бараньего языка), «Тушеные тигриные очи» (тушеные бараньи копытца), «Пять благословений в доме» (ассорти из бараньего рубца, печени, сердца, легких и кишок)... Одно за другим подавали яства из черных коз, которых всего пару дней назад прислали в качестве дани северные варвары. Мясо их, как утверждали, было нежнейшим и изысканным.